

— У мамы в блокноте записано, что 3-го июня мы втроём - я, Сашуля и Иринка приехали поездом в Симферополь, где она встречала нас на своём "Москвиче". Уехали из Севастополя мы с Сашулей 29 июня, а Иринка осталась, её потом вместе с Андрюшкой привезла в Ладушкин Люба (в конце июля). А мне почему-то казалось, что мы с Сашулей в то лето летели в Симферополь с остановкой в Киеве, где искали дом Булгакова. Значит, это было раньше, скорее всего в году в 1972-ом.

— Толчком же к посещению Киева послужила опубликованная в "Новом Мире" (уже после изгнания из редакции Твардовского и Лакшина) статья "Дом Турбиных" Виктора Некрасова, автора "В окопах Сталинграда" и "По обе стороны океана", будущего диссидента, в которой он рассказал о своём посещении дома в Киеве, где жил Михаил Булгаков. Этот дом, дом Турбиных, подробно описан в "Белой гвардии". Благодаря Некрасову мы узнали, что он существует на самом деле и сохранился до сих пор, и что найти его в Киеве совсем нетрудно. Мы загорелись желанием непременно увидеть "Дом Турбиных" своими глазами, да и вообще побывать в Киеве, который ни я, ни Сашуля ещё не посещали. Сделать это было нетрудно, поскольку в Симферополь мы летали с посадкой в Киеве, где можно было запланировать остановку. Так и сделали.

— Прилетели мы в Киев вечером, и нам как транзитным пассажирам предоставили место в гостинице аэропорта, в Борисполе. С утра отправились на поиски дома Булгакова. Правда, собираясь в спешке в отпуск, мы то ли забыли захватить с собой номер "Нового Мира" со статьёй Некрасова, где подробно описывалось местонахождение дома, то ли не захотели таскать журнал с собой, понадеявшись на свою память и подсказку местных жителей, во всяком случае знали мы лишь, что дом находится где-то в центре старого Киева, недалеко от Владимирской горки. Там мы и стали расспрашивать прохожих про дом Булгакова - знаменитого советского писателя, однако никто даже и примерно ничего не мог сказать, похоже было, что и фамилия такая никому не известна, хотя мы и старались выбирать прохожих как можно более интеллигентных на вид.

— Тогда мы решили поступить проще: найти библиотеку и посмотреть статью Некрасова в "Новом Мире". Однако и поиски библиотеки отнюдь не сразу увенчались успехом - прохожие не знали никаких библиотек. Наконец, кто-то сказал нам, что здесь рядом - "вон там, за углом, библиотека КПСС" (так и было сказано), и мы вышли на Республиканскую библиотеку, которая действительно была имени КПСС, чему мы сначала немало удивились, но потом вспомнили про Центральный стадион имени Хрущёва в Киеве и успокоились. Правда, библиотека с таким громким именем оказалась закрытой, зато рядом обнаружилась ещё одна - Историческая библиотека, в читальном зале которой нам и удалось просмотреть снова статью Некрасова. Теперь у нас были точные координаты: Андреевский спуск, 13, и мы зашагали туда.

— Всё совпало с описаниями и Некрасова, и самого Булгакова: и чудесная церковь наверху, в начале спуска, и сам спуск, кривой, мощёный булыжником, с двухэтажными мещанскими домами, и дом Турбиных, и узкий простенок между ним и соседним домом, где Николка прятал пистолет... Мы были ужасно довольны и тем, что достигли-таки поставленной цели, и тем, что могли теперь натуральнейшим образом представить себе обстановку действия в "Белой гвардии" и в "Днях Турбиных", и тем, что по ходу поисков осмотрели старый Киев. Конечно, в Киеве много симпатичных мест, и чуден Днепр, и всё такое, но публика местная нам, по внешнему уличному впечатлению, очень не понравилась, в большинстве своём показалась какой-то жирной, самодовольной и вульгарной, да простят меня киевляне...

А летом 1974 года мамочке удалось собрать вместе всех своих детей и внуков. Запомнились поездки всей оравой в битком набитой "Крячке" (как мы в ней только помещались?!: пятеро взрослых и трое детей, причём Иринке было уже 9 лет, Андрюшке -

5, а Ромке пошёл второй), ездили в Ласпи, Симеиз, Алупку, Ялту, Гурзуф. Помню, как в Гурзуфе заглохли на подъёме по крутому узкому серпантину и создали пробку. Мамочка вела себя совершенно хладнокровно, чем не раз восхищала меня, знавшего её вспыльчивый характер: в критических ситуациях она умела брать себя в руки, тут она спокойно, не обращая никакого внимания на нетерпеливые гудки скопившихся машин, высадила всех нас из машины, чтобы уменьшить её массу на случай, если она пополз(т назад при трогании с места в гору, завела двигатель, вырулила на ровное место и там снова загрузила своих пассажиров. Но это было единственное дорожное происшествие у нас, как водитель мама показывала довольно высокий класс, натренировалась на сложных участках старых крымских дорог.

Симеиз, июнь 1974 г.

Алупка, Воронцовский дворец, июнь 1974 г.

Крым, июнь 1974 г.

В эту поездку в Севастополь я, наконец, познакомился со своим зятем Павлом, мужем Милочки, и он произвёл на меня вполне нормальное впечатление, хотя мама немало жаловалась нам с Сашулей на него, трепло, мол, вертихвост; чувствовалось, что она внутренне как-то ещё не смирилась с Милочкиным выбором и не преодолела вызванное им разочарование. А вот взаимоотношения моих родителей между собой оказались просто удручающими. Бывали конфликты и раньше между ними, но такого я ещё не видывал. На ровном месте между ними возникали ссоры, причём инициатором всегда была мама, она взрывалась буквально по пустякам, не стесняясь детей и даже как будто бы специально призывая их в свидетели, а уж когда выпивалась по торжественному случаю пара - другая рюмок вина или тем более водки, то дело кончалось ссорой непременно, с криками и

слезами.

— Суть всех маминых обвинений сводилась всегда к одному: отец нечуток, невнимателен, думает только о себе, а на неё и детей ему абсолютно наплевать, и в доказательство приводились всякие мелочи, которые невозможно было воспринимать всерьёз. Отец обычно отмалчивался, выходил курить на балкон (а раньше курил только в войну, в молодости), видно было, что он очень переживает, что упрёки несправедливы, но возражать он если и пытался, то очень робко. Чувствовалось, что боится, как бы хуже не было. Я его жалел, а на маму злился, и перед самым нашим отъездом, когда семейный прощальный ужин в очередной раз перешёл в выяснение взаимоотношений моих родителей, я не выдержал и взорвался сам, накричал на маму и пригрозил, что ноги моей здесь больше не будет, если она не прекратит терроризировать папу, что она его в гроб загонит своими сценами.

— Ах, Саша, ты ничего не понимаешь, ничего не знаешь, ты не имеешь права нас судить, - отвечала мне заплаканная мама.

— Отец молчал. Позже, когда мы вместе курили на балконе, он говорил мне, что всё это нервы, что мамочка просто очень устала. А на следующий день они с папой вдвоём провожали нас с Сашулей в аэропорту, стояли рядом такие грустные, тяжёлое было прощание. Маме в тот год исполнялось осенью 52 года, отцу - 57.

— Из разговоров с Любкой вдруг выяснилось, что и у них с Жоркой кризис в супружеских отношениях, семья на грани развала, чему, конечно, способствовало их продолжавшееся проживание в разных городах: она - в Ленинграде, он - в Протвино. Разобраться, кто прав, кто виноват тут, было совершенно невозможно, оба хороши, скорее всего. Любка обвиняла Жорку, что он бросил её одну в Ленинграде, а в эту дыру - в Протвино она ехать не собирается, что он там с кем-то спутался, а за ней в Академии ухаживает один капитан 2-го ранга, готовый бросить ради неё свою семью.

— Дура! Нужна, ты этому капитану! - возмутился я. - А об Андрюшке подумала?

— Люба вздыхала, страдала, оправдывалась...

— Жорка в этот раз в Севастополь не ездил, а приехал к нам в Ладушкин, куда из Крыма приехали и Любка с Андрюшкой. Мы с Сашулей создали Любке с Жоркой все условия для выяснения отношений: оставили их в нашей квартире, а сами переселились наверх в квартиру уехавших в отпуск Бирюковых (Сашуля, правда, уверяет, что в квартиру Лаговского на нашей же площадке), но Любка ночью прискакала к нам туда, не давала спать, изливая свои претензии к Жорке почему-то нам, а не ему самому. Я её гнал к Жорке, а она отказывалась идти, так он ей якобы противен, а тот лил слёзы, в чём-то каялся и сознавался, и умолял его простить... В общем, драма на всю катушку.

— Не знаю, до чего они тогда договорились, но Любка уехала в Ленинград одна, а Жорка с Андрюшкой остались ещё на несколько дней. Как раз перед их отъездом у нас на квартире состоялось традиционное сборище, не помню уж по какому поводу - Сашулин день рождения, скорее всего. В завершение гулянья, как обычно, пошли проветриться с песнями по шоссе, где-то уже после полуночи, и тут Жорка исчез. Процессия наша растянулась маленькими группочками по шоссе, и мы не сразу заметили, что Жорка куда-то делся. Когда спохватились, уже возвращаясь домой, стали орать, аукать, но Жорка не отзывался...

— Явился он под утро, когда уже рассвело, с красавцем белым грибом в руке.

Оказывается, он по нужде или просто так свернул с шоссе в лес, да и заблудился сразу же - всё-таки темно и нетверёз был, только к утру снова на шоссе выбрался, хотя лес от шоссе нигде более чем на два-три километра не тянется. Жорка, правда, уверял, что ему просто хотелось по ночному лесу погулять. Так, не спавши, он и повёз Андрюшку в аэропорт, мы беспокоились за них, но всё обошлось благополучно, и с Любкой они, слава Богу, в конце концов помирились.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)